

ДЖОРДЖ ВИЛЬЯМС

ИСТОРИЯ ЖИЗНИ ОДНОГО ВЕЛИКОГО ОРГАНИЗАТОРА

*

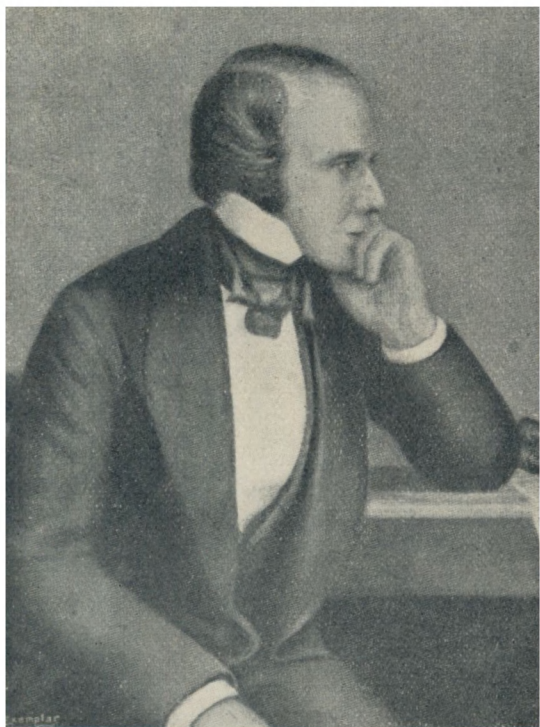
составлено Т. Гейзендорфом,
перевод с французского

Издание

The YMCA PRESS Ltd.

Американское издательство

Берлин 1924

Вильямс в период основания Союза.

I. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЖИЗНИ.

Ферма, на которой родился 11 октября 1821 г. герой нашего рассказа, затерялась в глуши английской провинции Сомерсет, у крайних западных ее границ. Со своими широкими пастбищами, с причудливыми холмами, с соленым воздухом, веющим с океанского простора, местность эта не лишена своего рода величавости.

Джордж Вильямс был восьмым сыном Амоса и Елизаветы Вильямсов, зажиточных земледельцев, живших на ферме Эмбей близ Дульвертона и происходивших в свою очередь от длинного ряда поколений — землепашцев, с любовью обрабатывавших землю, ничего не ведая ни о сельско-хозяйственных машинах, ни о современных способах удобрения. Не следует представлять себе жизнь английского крестьянина начала XIX века как образец удобства и утонченности. Под родным кровом юный Джордж Вильямс никогда не ел белого хлеба, неизвестного там; пища, хотя и

обильная, была всегда простой, тарелки отсутствовали, и заменялись чашками, выдолбленными в толстой деревянной крышке общего семейного стола. Единственной гастрономической роскошью были традиционный пуддинг и неизбежный чай.

Вне своего семейного круга Джордж Вильямс видел печальные и многочисленные примеры грубости, характерной для погонщиков и скотопромышленников провинции Сомерсет. Их грубость и дикость вошли в поговорку и можно быть уверенным, что в соприкосновении с ними молодой человек познал все искушения плоти — из чего, однако, вовсе не следует, что он когданибудь поддастся этим искушениям! Но вместе с тем эти крестьяне, до крайности преданные старине, сторонники старого торизма, воспитанные в атмосфере сказаний и суеверий, составляли гордую расу, медлительную и сильную силой своего долгого прошлого.

Если отец Джорджа Вильямса, ловкий и сметливый человек, представлял в семье начало традиционного авторитета, то мать, маленькая, простая и очаровательная, передала своему младшему сыну веселый, сердечный и приветливый характер; как ребенок и позже, как уже сложившийся человек, Джордж Вильямс был довольно

редким соединением этих двух начал, — деревенской основательности и городской тонкости, энергии отца и грации матери.

Впрочем мы знаем очень мало об его деревенских детских годах, об его стремлениях или об его мечтах о славе. Это был, так сказать, „средний“ мальчик, умный, быстрый на слово, небольшого роста, рассматриваемый своими семьей старшими крепкими братьями, как семейный „забавник“. Когда пришел возраст учиться, его отдали на попечение одной старомодной дамы Тимлетт, жившей в Дульвертоне, ближайшей к ферме деревне, а позже он был помещен в Тивертоне в начальную школу, известную по своей строгости. Однажды, когда он возвращался из школы, один соседний фермер, привлеченный без сомнения его милым личиком, посадил его к себе на козлы и подарил в заключение ему шиллинг. Эта щедрость не пропала даром: позже, достигши высокого положения, Джордж Вильямс сделал все, чтобы обеспечить сыну этого фермера будущее в одном из больших торговых домов Лондона. Благодарность вообще была свойственна натуре Вильямса. Еще позже, в воспоминание о первых церковных службах, на которых он присутствовал в церкви в Дульвертоне, он хотел подарить прихо-

ду цветные стекла, ныне украшающие окна в здании, где похоронен его отец (умерший от укуса змеи на 64 году жизни). Точно также на свои личные средства он содержал книгоношу библейских книг в своем родном округе, ибо в дни его детства религиозная жизнь там была мало развита и местный пастор был большим спортсменом, больше думавшим о своей охоте, чем о спасении душ своих прихожан...

II. ЮНОСТЬ И ОБРАЩЕНИЕ.

Когда Джордж Вильямс достиг возраста 13 лет и покинул школу, семья его некоторое время колебалась относительно его дальнейшей судьбы. Хотя один из старших братьев уже выразил желание заняться торговлей в Дульвертоне, главном местечке округа, маленького Джорджа попытались удержать на ферме. Но вскоре, после одной постигшей его неудачи, его сочли недостойным такого преимущества: однажды летом, везя воз с сеном, чтобы укрыть его от грозы, он зазевался, и на одном повороте телега, сено, лошадь и сам вожатый покатались в ров. Собравшись на торжественный семейный совет, отец и братья решили, что Джордж реши-

*Город Бриджуотер,
где Вильямс начал работу мальчишкой и где было его обращение ко Христу.*

тельно не на высоте положения: „самое многое“, сказали они „он годен для города!“ И можно представить себе, сколько унижительного содержалось в этом выражении. Обратились за советом к одному из братьев, мануфактурному торговцу, и он порекомендовал избрать для маленького Джорджа ту же отрасль торговли, которой он сам занимался. Совет был принят и Джорджа послали для обучения в Бриджуотер, главный город графства.

„Когда я приехал в Бриджуотер в 1836 г.“, рассказывал впоследствии Джордж Вильямс — „я был легкомысленным мальчиком, безбожным и склонным к сквернословью“. Как же могло случиться, что несколько лет спустя он покинул этот город серьезным энтузиастом, горящим ревностью к Господу?

Нет сомнения, наш пятнадцатилетний крестьянский мальчик имел прирожденный практический дар, так как уже вскоре после своего прибытия на новое место он выделился среди других двадцати семи служащих торгового дома Гольмса, живших, по тогдашнему обычаю, в одном общем помещении. Два других ученика, — благочестивые мальчики, — отучили его от ругательств и хотели ввести его в мето-

дистскую церковь. Но Джордж Вильямс, вышедший из семьи, чрезвычайно преданный англиканской церкви, был рекомендован родными попечением одного лица, последователя англиканского культа. Однажды, в день солнечного затмения, этот религиозный попечитель Джорджа хотел повести его в церковь слушать там проповедь по поводу этого астрономического явления. Джордж заупрямился и был за это резко выбранен своим попечителем и холодно отослан домой: „Если ты обратишься в методизм“, пророчествовал ему его попечитель, „то ты потерянный мальчик, и я снимаю с себя всякую ответственность“.

Так избрал Джордж Вильямс, обнаруживший в данном случае независимость и силу характера, путь сектанских церквей, где в то время проявлялась напряженная духовная жизнь. Однажды, в зимний вечер, когда Вильямс — в то время 16-летний мальчик — слушал проповедь в конгрегатской часовне, его осенил Господь. Конечно, пастор Джемс Эванс, проповедавший в тот вечер, не был замечательным человеком и, вероятно, не обладал и особым даром красноречия, но он был орудием духовного обращения внимательно слушавшего юноши. Благодетельные

последствия этого обращения для человечества были неисчислимы.

Этот душевный переворот произошел спокойно, без потрясения и без резкого кризиса. Джордж Вильямс, — бывший свидетелем столь многих душевных пробуждений и никогда не сомневавшийся в их реальности, — сам рассказывает о себе, что божественный призыв был сделан ему не через посредство какого-нибудь сверхъестественного явления, вроде землетрясения, пламени, бури, а как бы в виде нежного и легкого шопота, подобного тому, который слышал когда-то пророк Илья на горе Хороб.

Вернувшись к себе домой, этот мальчик из магазина упал на колени в углу своей лавки и всем своим сердцем отдал себя воле Господа и Спасителя. И с тех пор глубокий мир и непоколебимая вера наполнили его сердце и побудили его к великому христианскому подвигу.

Сделавшись членом церкви, он немедленно образует группу молитвенных собраний, работает в воскресной школе и все свое свободное время отдает усиленному чтению. Кроме пастора, которому Джордж Вильямс обязан был своим духовным пробуждением, он постоянно считал своими религиозными отцами двух

человек, ныне уже мало известных, но в свое время могучих делом и словом: один из них был Чарльз Финней, великий американский „возбудитель“, которого называли, имея в виду его постоянную молитву, „апостолом с мозолистыми коленями“, другой, — с похожей фамилией, — был Томас Бинней, оратор, которого он встречает позже в Лондоне и влияние которого на его современников было значительным. Упоминаем об этом, так как не бесполезно знать, из каких источников черпал этот молодой человек, религия которого одновременно была и практической и завоевательной.

В возрасте 19 лет период его обучения закончился. Некоторое время Джордж Вильямс искал свой жизненный путь. Сначала, в течение шести месяцев, он помогал своему старшему брату, торговавшему мануфактурой в Дувельрстоне, потом он сопровождал его в Лондон во время поездки, которую тот совершал ежегодно в столицу.

Всякий большой город и в особенности столица всегда оказывает опасную притягательную силу на юных провинциалов. Лондон тогда, как и теперь, был местом битвы, где тысячами выигрывались и проигрывались сражения за существо-

вание. Зло, как и добро, там достигают высшей степени своего могущества. Но, подобно хищному зверю, притаившемуся в тени и высматривающему свою добычу, зло кажется постоянно торжествующим победителем. Джордж Вильямс, резюмируя свой юный опыт, любил говорить, что для молодого человека „первые двадцать четыре часа, проведенные в большом городе, решают его вечную судьбу между небом и адом“.

В то время была эпоха странных контрастов. Беседы молодых людей были или благочестивы или циничны. Время отдыха отдавалось или на службу Христу или на сатанинские удовольствия. То было время позорных падений и благородных порывов. Тогда было больше шансов на успех, чем теперь. Повсюду искали молодых людей, способных и с живым умом. Решимость, ловкость в работе, честность и энергия оплачивались сторицею. Хорошее время для молодого человека, имеющего широкие планы на будущее и не боящегося бороться, чтобы осуществить свои мечты о будущем.

С литературной, художественной и социальной точке зрения также занималась заря великой эпохи—„викторианской эры“, как она была впоследствии названа. Кинг-

слей, благородный реформатор, Карлейль, великий историк, Рескин, теоретик красоты, Диккенс, романист с широкой душой, явились пробудителями нового чувства: симпатии к ничтожным мира сего. То была заря англиканского пробуждения, так называемого оксфордского движения, руководимого Ньюманом и Пьюси. В политике, в искусстве, в религии все стремились к возрождению. Окружающая атмосфера была проникнута ожиданием великих дел.

В это именно время и в этой среде молодой человек, никому неведомый и без большого образования, готовился один — но один с Господом — открыть также новую эру: эру молодых людей и притом христианских молодых людей.

Возможно, впрочем, что сам Джордж Вильямс не сознавал этого всеобщего брожения. Это был один из тех людей, которых презирают поэты, но которых любит Бог, все честолюбие которых сосредотачивается на том, что они должны делать и что они делают. Весь погруженный в свои занятия, не ради наживы, но в служение Господу, он не имел достаточно времени, чтобы смотреть вдаль, к горизонту. Дело, которому он посвятил се-

бя, всегда процветало, но без сомнения те блестящие надежды, то тревожное ожидание, которое овладело тогда душами, способствовало огромному и быстрому успеху религиозного энтузиазма. Люди искали вождей, способных повести их к славным завоеваниям веры.

III. ДЖОРДЖ ВИЛЬЯМС В ЛОНДОНЕ. ТОРГОВЫЙ ДОМ ГИЧКОКА.

В октябре 1841 г. — нашему герою было в то время двадцать лет — Джордж Вильямс в сопровождении своего брата прибыл в Лондон. Он представился здесь Джорджу Гичкоку, владельцу крупного магазина сукном и шелковыми материями в центральной части Лондона, в Сити, и хлопотал о принятии в число служащих этого торгового дома. Первоначальный ответ хозяина был столь же категоричен, сколь и отрицателен: „Он слишком мал ростом“.

Надо полагать, что старшему брату Джорджа, когда то служившему у Гичкока, удалось все же уговорить своего прежнего хозяина, так как на другой день после своего визита младший брат, несмотря на свой физический недостаток, был принят к Гичкоку. Здесь он скромно оставал-

ся на заднем плане, пока однажды один из приказчиков не был захвачен в тот момент, когда он резал и прятал кусок шелковой материи; Джордж Вильямс, выделившийся уже своим рвением и своей честностью, был тотчас же поставлен на его место.

Его первый заработок был очень скромным: он равнялся сорока фунтам стерлингов в год, при хозяйских харчах и помещении. Впрочем, таким же образом начинал свою карьеру и его хозяин, дебютировавший мелким приказчиком в провинциальном городе, а потом сделавшийся товарищем торгового дома Роджерса. Впоследствии Джордж Вильямс в свою очередь сделался его товарищем и зятем.

Торговый дом Гичкока пользовался в то время в Лондоне очень хорошей репутацией и насчитывал более 140 служащих, живших в самом помещении склада.

Жизнь торговых служащих в то время была очень тяжелой: кроме часов чистки магазина, падавшей на учеников, все служащие от первого до последнего становились на работу уже в 7 часов утра и покидали ее в 8 часов вечера зимой и в 9 часов летом. Все они одеты были в черный костюм и носили белый галстук; цветные галстуки и светлые костюмы бы-

ли запрещены. Усы тоже носили очень редко, и во всем Сити знали в то время только одного продавца, которому разрешено было носить усы, известного под прозвищем: „француз от Гичкока“.

Хотя магазин Гичкока (находившийся в самом центре, недалеко от собора Св. Павла) считался одним из лучших, рабочее время в нем продолжалось 17 часов, и в течение этого ужасного дня служащие располагали всего полчаса на еду.

Число служащих в различных торговых заведениях Сити доходило в то время до 150 тысяч, и не было абсолютно ничего, что могло бы возвысить и облагородить их души. Среди напряженного труда не было никаких здоровых развлечений: лишь чувственность, алкоголь и игры занимали досуги молодых людей. Ложь и жадность ставились в пример, как единственные средства прожить в жизни.

Нечего и говорить, что такой строй, если в некоторых исключительных случаях и был суровой трудовой школой, то обычно вызывал лишь самые пагубные последствия: редкие свободные минуты были лишь поводом для разгула и разврата. Так как молодые люди, спавшие по два в одной кровати и целыми группами в каждой комнате, должны были ложиться

спать до ночного обхода в 11 часов, то некоторые из них вставали после этого, чтобы предаваться игре и пьянству; с этой целью они придумали тайно приносить в спальню бутылки с пивом и алкоголем, пряча их в сапогах. Кроме того, по свистку, подаваемому соседнему кабатчику, втаскивали спиртные напитки через окно в обуви, опускаемой вниз по веревке. Подобные нравы были самой подходящей школой для притворства и пороков. Тогда говорили, что невозможно принадлежать к дому Гичкока и остаться действительно христианином; и однако, три года спустя было почти невозможно не быть в нем не христианином. Откуда же пришла подобная перемена? От той же причины, по какой уже в Бриджуотере в доме Гольмса очистилась моральная атмосфера: от того простого факта, что молодой человек 20 лет, — пионер дела евангелизации молодых людей через молодых, — имел, вступая в этот дом, только одну цель в жизни, — спасение своих современников.

IV. ДЖОРДЖ ВИЛЬЯМС В ЛОНДОНЕ. ЕГО ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ.

Когда три года после прибытия Джорджа Вильямса в Лондон был обращен к

нему (как мы увидим дальше) призыв Божий, он был уже готов на дело служения.

Правда, письма и частные документы, где обнаруживается состояние его души в то время имеются в незначительном количестве. Мало склонный к болтовне, он редко говорил о своем прошлом и о своих былых годах.

Просмотрим однако его дневник. Первого января 1843 г., 21 года, он пишет: „Участвовал на молитвенном собрании в Вудбридже в 7^{1/4} ч. Присутствовал на нашем молитвенном собрании от 9 до 10 ч. — Проповедь Бинней. — После обеда посетил несколько школ в Вейгоузе до 4^{1/2} ч. Возвратился домой к чаю. Присутствовал на нашем молитвенном собрании. Пошел в часовню послушать Бинней. Хороший день“.

Назначенный секретарем воскресной школы в Вейгоузе, он просит Бога, чтобы это отличие не вызвало у него тщеславия и чтобы он остался скромным, ищущим лишь славы Господа.

В конце того же года он говорил каждое воскресенье по крайней мере на трех религиозных собраниях. Понятно, что этот молодой человек с веселым характером, полный увлечения, был желанным повсю-

ду, в особенности для работ с детьми. Вследствие этого, его воскресные дни были всегда заняты, поскольку ему позволяли его здоровье и силы.

Позже, несмотря на неизбежные жизненные разочарования, характерной чертой его религии всегда был непобедимый оптимизм. Упадок духа, уныние были ему совершенно чужды. Но надо признать, что, к счастью, это не всегда было так: подобная душевная ясность у молодого человека 23 лет не была бы ни естественной, ни здоровой, и там, где она существует, она почти всегда соединяется с самодовольством, болезнью души столь ненавистной и столь частой у молодых христиан. Джордж Вильямс знал это. Недовольство самим собою, которое унижает человека до праха дорожного, подобно, так сказать, могиле, где он погребает себя со Христом, но откуда он воскресает для новой жизни. Следуя указанию Апостола, он испытывал себя. Он часто справлялся со своим душевным барометром и находил его часто очень низким. В его дневнике мы читаем строки, вроде следующих:

„Я только что пережил неделю меланхолии и духовной темноты; у меня было много оснований к печали: я изучал про-

рочества Старого Завета и их исполнение. Мрачная неделя: я был во тьме, не находя почти никакого удовольствия в молитве и теряя чувство моего единения со Христом“.

И другой раз:

„Ужасная неделя: глубокая душевная тьма. Я мало сделал для Бога; молитвы мои холодны. Да будет угодно Господу послать Свой Дух, чтобы оживить эти высушенные кости“.

Потом потемки вскоре заменяются радостью работать для Господа. День или два спустя он рассказывает, что 14 его товарищей присутствовали на молитвенном собрании в одном из дортуаров, что он был очень ободрен, что между вновь поступившими в магазин были некоторые, с которыми он мог „преломить хлеб жизни“, что, по милосердию Божию, он испытывает несколько больше наслаждения от молитвы и находит больше удовольствия славить Христа во всех вещах. Он часто возвращается к той мысли, что после дней печали и темноты он снова нашел радость в служении Богу и в работе для других.

Послушаем еще его исповедание веры, когда он был назначен на более высокий пост: „Каков мой долг в деловых отно-

шениях? Быть справедливым. Заключать с другими людьми справедливые сделки. Покупать честно. Никогда не лгать, не затушевывать истины. Каков мой долг по отношению к моим подчиненным? Быть добрым, терпеливым, любезным, почтительным. Когда я замечаю ошибку, говорить о ней отдельно с тем, кто ее совершил, вместо того, чтобы делать выговор перед другими. Но Боже мой! Все мои подчиненные верят ли они моей искренности? В чем мои повседневные действия отличаются от действий других людей? Лучше ли я, терпеливее ли? Прославляют ли, благодаря мне, злые Бога? Что я должен делать? Постоянно полагаться на Бога. Он говорит мне не мучиться самому, но во всех делах обращаться к Нему с молением и ожидать действия Его благодати“.

Процитируем, наконец, правила повседневной жизни, которые Джордж Вильямс поставил себе без сомнения с самого начала и которые он занес в свои заметки три года после своей женитьбы. Их нашли после его смерти в одном из ящиков его письменного стола. Они были подписаны датой 6 января 1856 года. По следам на бумаге видно, что он часто их перечитывал.

„Да поможет мне Господь принимать

решения и да пошлет мне вслед за тем силу их выполнения.

„Купить будильник. Вскакивать с постели тотчас же, как я услышу его, а не ждать, когда он окончит звонить.

„Читать и размышлять каждое утро над отрывком из слова Божия. Посвящать некоторое время молитве.

„Стараться жить более постоянно в духе молитвы.

„Не вступать в переговоры с искушениями, когда они представляются, но сопротивляться им решительно и сразу же.

„Молиться за моих дорогих родителей. Молить Бога об их обращении.

„Молиться за молодых людей, живущих у Св. Павла.

„Распределять дни и время, которое я должен посвящать моим различным занятиям, и стараться быть регулярным и точным.

„Приложить старания лучше знать Священное Писание и изучать его с моей дорогой Еленой.

„Перечитывать часто эти решения“.

V. ДЖОРДЖ ВИЛЬЯМС В ЛОНДОНЕ. ЕГО ОБЩЕСТВЕННАЯ И ДЕЛОВАЯ ЖИЗНЬ.

Не следует, однако, думать, что эти апостольские наклонности заглушили у Д. Вильямса природные дарования и умственную жизнь. Наоборот, можно отметить, что с этого времени Вильямс стремится развить себя в культурном отношении. В 23-х летнем возрасте он начинает посещать курсы музыки и дикции; хотя он никогда не сделался ни художником-любителем, ни профессиональным оратором, но эти два таланта сослужили ему большую пользу впоследствии. Он живо интересуется также популярным в то время движением обществ взаимного образования, подтверждая тем, что истинный христианин умеет жить по слову Теренция: „Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо“. Наконец, — предшественник в этой области современных христианских социалистов, — он, как только приобрел некоторое влияние, отдает его делу лиги в пользу закрытия магазинов в менее поздние часы, обнаруживая этим, что он не забыл страданий своих ближних с того момента, как сам освободился от них. Несмотря на все эти различные ин-

тересы, наполняющие его жизнь, Джордж Вильямс не перестает хранить в сердце и вспоминать в своих молитвах всех членов своего семейства: он отмечает однажды в своей записной книжке, что из сотни членов его обширной родни очень немногие могут считаться спасенными. Он уезжает, когда это бывает возможным, на каникулы в родной дом, где находится в постоянной духовной близости со своей любимой и почитаемой матерью, благое влияние которой можно найти во всех его действиях, проникнутых христианской любовью. Молодой человек пользуется всяким случаем, чтобы раздавать крестьянам брошюры духовного содержания или прознести поучение детям в воскресной школе. У одного из своих братьев он организует после чая молитвенное собрание. Другой раз, присутствуя на публичном аукционе и страдая от беззастенчивой лжи и грубой речи продавца, он пытается говорить ему об его душе, — впрочем, без всякого успеха, — этот субъект оказался, увы, слишком во власти денег и — алкоголя.

Не следует думать также, что эти заботы о спасении других заставляют его пренебрегать своими собственными занятиями. Его религия по преимуществу прак-

тического характера. Он обладал замечательным даром примирять в своей жизни благочестие и практический смысл, как это уже можно было заметить у него в Бриджуотере. Точный и в то же время добросовестный, он заслуживает доверие своих хозяев, и его трудоспособность очень скоро замечается ими. Деловая деятельность интересует его, как таковая. В его дневнике очень часто можно найти заметки, вроде следующей: „Сегодня хороший день, — продажа достаточная“. В 1843 году он записывает лаконическую фразу: „продал сегодня на 32 фунта“. „В несколько лет“, пишет он дальше, „я имел счастье увеличить годовой оборот дома на 30 тысяч фунтов“.

В этом, 1843 году, по возвращении со своих летних каникул из Сомерсета он был назначен своим хозяином в отдел „кашмира“, — материи бывшей в то время в особой моде, и ему же давались временные поручения по инспекции в магазине с соответствующим увеличением содержания. „Дай мне Бог остаться верным на этом новом посту“, пишет он в своем дневнике, и действительно он является таковым в употреблении своих средств, т. к. с этого момента он отдает Божьему делу две трети своего содержа-

ния. В следующем году он еще повышается на одну ступень по служебной лестнице и делается главным „покупщиком“. „День человеческой радости“, пишет он, „но какова цель моей жизни: деньги, почесть, роскошь? Нет, не это, пока будут души, которые надо спасти“.

VI. ЛИЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДЖОРДЖА ВИЛЬЯМСА И ОСНОВАНИЕ ХРИСТИАНСКОГО СОЮЗА МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ.

Таковы были свойства характера Д. Вильямса. И эти свойства как раз те, которые можно желать для пропагандиста великого дела.

Тотчас же по прибытии к Гичкоку — в возрасте двадцати лет — Джордж Вильямс первой своей заботой имел — подыскать несколько серьезных молодых людей; кое-где он находит таковых, но только один из них называл себя и действительно был христианином. С этого времени Д. Вильямс прибегает к средству молитвы: один очевидец рассказывает, что он часто видел его стоящим на коленях у подножия кровати и со слезами молящимся о том, чтобы Господь обратил его то-

варищей на правый путь. Сначала таких обращенных было всего два, потом к ним присоединяется третий и каждый месяц список их увеличивается. В конце первого года их, решившихся идти по этому пути, было уже девять, — таковы плоды настойчивой работы. Точно также из одной комнаты в другую распространяются молитвенные собрания. В заключение их собирается уже двадцать семь человек. При своих стараниях Джордж Вильямс всегда действовал с чрезвычайной вежливостью, никого не принуждая, а лишь убеждая и привлекая. Он был обуреваем всепожирающим рвением; в доме Гичкока обычно говорили, что нужно прибегать чуть ли не к военным хитростям, чтобы избежать его „интервью“ в коридорах вечером, перед отходом ко сну. И однако, никто не обижался на его навязчивость, зная его, как одного из лучших продавцов в Сити и, следовательно, как человека с большим тактом.

Примечателен факт, что небольшая группа юных христиан после молитв о своих товарищах думает и о своем хозяине. Гичкок, доселе равнодушный к этому движению, вскоре, однако, заметил перемену, происшедшую в его доме. Вместо того, чтобы относиться к нему недоброжелатель-

но, он, наоборот, поддерживает его. В виде благодарности хозяину за эту поддержку персонал поднес ему однажды роскошный экземпляр Библии, за который было заплачено 20 фунтов стерлингов, собранных между служащими. Эта сумма несколько не уменьшила, однако, те жертвования, которые давали юные энтузиасты на дело пропаганды, непрерывно развивавшейся среди них, благодаря частым и интересным собраниям.

Понятно, что такой хозяин, как Гичкок, относившийся по отечески к своим служащим, очень ценил такого приказчика, как Джордж Вильямс и оказывал ему известное доверие. Его товарищи несколько не завидовали ему. Его услужливость и его готовность быть полезным для других заставляли всех любить его. Он никогда, как бы занят он ни был, не отказывал в услуге, которую у него просили.

Отметим также, что по мере того, как молодые люди находили удовлетворение своим духовным потребностям у себя дома, они стремились привлечь в свой кружок и лиц, принадлежавших к другим торговым домам. Джордж Вильямс, однажды, беседует по этому вопросу с одним из своих вновь обращенных друзей, Эдуардом Бомонт и решает с ним созвать на специаль-

ное собрание, в свою собственную комнату 6 июня 1844 г. всех молодых людей, кто пожелает придти. „Тедди“, сказал Джордж Вильямс Эдуарду Бомонту, „готовы ли вы принести жертву Христу?“

Едва только этот проект был намечен, как Джордж Вильямс получил от одного молодого человека, принадлежавшему к другому магазину мод, письмо с выражением подобного же желания; этот корреспондент, Джемс Смит, был один из двенадцати человек, собравшихся вечером 6 июня в спальне Джорджа Вильямса. Хотя он и не принадлежал к дому Гичкока, он был тотчас же выбран председателем, ибо Джордж Вильямс был не из числа тех, кто основывает союзы, чтобы извлекать из них себе почести. Для себя он принял только пост временного секретаря и сохранил его двадцать пять лет. Первоначальный капитал маленького общества, образовавшийся из сбора между присутствующими, состоял из 13 шиллингов.

Джордж Вильямс впоследствии часто вспоминал историю одного товарища, занимавшего завидное положение и с самого начала оказывавшего им непримиримую оппозицию: это был глава группы молодых жуиров, собиравшихся каждую суббо-

ту вечером в соседнем ресторане и, разумеется, не жалевших сарказмов по отношению к адептам нового движения. Раз вечером в кружке молодых христиан шла беседа о том, каким образом можно было бы перетянуть его на свою сторону.

— Знает ли кто-нибудь какую-нибудь его слабость — спросил Джордж Вильямс.

— Да, — ответил, улыбаясь, один из собеседников: — он чрезвычайно любит устрицы.

— Превосходно, сказал Джордж Вильямс, — предложим ему ужин с устрицами, под председательством того из нас, кого он более всего любит.

Узнавши, что эти молодые „пустосвяты“ хотят пригласить его на „partie fine“, противник их сначала осыпал их насмешками. Но потом, оценивши, после первого соприкосновения с ними, их веселье, но без грубости и в то же время без прозелитизма, он был обезоружен. Из вежливости он присутствовал потом на одном их молитвенном собрании и мало по малу совершенно обратился в христианина . . . И не только он сделался одним из двенадцати основателей Христианского Союза Молодых Людей, но — по странному стечению обстоятельств — его членская карточка, вместе с его пор-

третом, является единственной, сохранившейся от той уже столь отдаленной эпохи: она находится в ценном архиве Центрального Союза в Лондоне.

Хотя основатели нового союза принадлежали к четырем религиозным церквям (епископальной, конгрегационалистской, баптистской и методистской), это различие в происхождении не только не замедлило первоначального порыва, но пожалуй его увеличило*). Со второго собрания их было уже двадцать, вокруг стола. Нужно было найти и нашли более обширное помещение, за которое платили по 10 шиллингов в неделю, — в „Coffee House“ в приходе Св. Мартина. Тотчас же был выработан циркуляр, который был разослан — в июле — служащим других торговых домов. Когда кое кто опасался издержек на печатание этого циркуляра, Джордж Вильямс, ударивши кулаком по столу, воскликнул: „Если это дело от Бога, то деньги сами найдутся“.

*) Церковная широта Джорджа Вильямса была чрезвычайна: однажды, беседуя с тремя молодыми людьми, принадлежащими каждый к различной церкви, он взял их за руки и воскликнул: „Здесь находятся — один англиканец, один баптист, один методист и один интeпендент — четыре вероисповедания, но одна лишь вера во Христа. Идем вместе!“

Таковы были первые проявления этого общества, которое первоначально не знали даже, как назвать, — „Верийским Обществом“ (намек на эпизод, рассказанный в главе 17 „Апостольских Деяний“), или „Обществом христианских молодых людей“ или „Христианским Союзом Молодых Людей“ (Young Men's Christian Association). В конце концов возоблагодало это последнее название. Потом, когда наплыв посетителей увеличился, перенесли свою штаб-квартиру в Hotel Radley, близ Блэкфрайэрского моста, напротив Ludgate Hill. Помещение было простым, 6—7 шиллингов в неделю, но зато надо было принять очень стеснительное условие, — не петь во время заседаний. В этом помещении была, однако, произведена большая плодотворная, богатая по последствиям, работа.

Конечно, создание этого нового общества не должно вести к забвению предшествовавших аналогичных попыток, напр. Давида Нэсмита в Глазгове в 1824 г., или благочестивого евангелиста Роберта Нильсона в 1678 году, или Jünglingsvereine в Базеле (1787) и в Бремене (1835). Но заслуга Джорджа Вильямса в том, что он нашел и применил формулу, с тех пор сделавшуюся знаменитой: „евангелизация молодежи через посредство молодежи“.

VII. ПЕРВЫЕ ГОДЫ ХРИСТИАНСКОГО СОЮЗА МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ.

Первоначальный период существования Христианского Союза характеризуется необычайным духовным общением первых членов: как только „новичек“ им представлен, четыре или пять из них завладевают им и вовлекают его в атмосферу общей молитвы. Рост общества был чрезвычайно быстр в течение этих первых месяцев: религиозные службы были организованы в 14 торговых домах, и каждую неделю собирались сообща в Hotel Radley, горя религиозным рвением и жажда новых духовных завоеваний.

Для привлечения участников не пользуются никакими внешними средствами; единственное, что предлагается посетителям, это чай и печенье; за то на каждом заседании заявляются новые обращения.

Всеми чувствуется нужда молодых людей в разумном пользовании досугом; одиночество опасно, это сознал Джордж Вильямс сам на собственном опыте. Начинают интересоваться принципом взаимного обучения; думают об организации лекций; — хотят создать общую категорию членов-сотрудников для тех из молодых людей, которые еще не решились сде-

лать окончательный выбор. Эта мера введена по инициативе Джорджа Вильямса. На первом годовичном собрании Союза, — в ноябре 1844, — насчитано было присутствие 161 молодого человека. Эта цифра достаточно красноречиво говорит о достигнутом успехе.

На втором собрании — в 1845 г. — их было уже 300, в том числе священники многих церквей. С воодушевлением подписались на нем на сумму в 60 фунтов для того, чтобы пригласить для нужд разрастающегося союза особого миссионера. Для выполнения этой задачи добровольно предложил свои услуги — на удивление комитета — г. Тарлтон, вступивший в союз одним из первых. Т. Г. Тарлтон, сильный оратор и полный энтузиазма и такта работник, был большим приобретением для юного союза. Мы находим в дневнике Джорджа Вильямса выражение чрезвычайной радости при известии об этом предложении. Впоследствии (в 1857 году), когда г. Тарлтон занял пост пастора, его преемником сделался В. Эдвин Шиптон. Если первый был оратором, то этот последний был организатором зарождающегося дела: Эдвин Шиптон, действительно, чтобы вступить на службу Союза, покинул очень плодотворную коммерческую деятельность;

он преуспел бы во всякой отрасли деятельности, т. к. он обладал для этого всеми необходимыми свойствами такта и энергии и огромной трудоспособностью. Ему главным образом обязано последующее преуспеяние дела, так хорошо начатого.

Перед концом 1845 года имел место еще один переход в новое помещение в Sergeant's Inn, Fleet Street и именно благодаря щедрой поддержке Джорджа Гичкока. Обращение этого последнего было одним из первых результатов организационного собрания в комнате Джорджа Вильямса. Гичкок любил повторять, что его привели ко Христу поведение и молитвы его молодых приказчиков. После этого, всякий раз, когда ему представляли какогонибудь просителя, ищущего место в его магазине, он, после обычного вопроса: „В чем состояла ваша прежняя работа?“ всякий раз спрашивал: „Знакомы ли Вы с учением Иисуса Христа?“. Несколько лет спустя, во время открытия нового обширного и удобного помещения Союза на Aldersgate Street, Гичкок, говоря о своей личной христианской работе среди служащих своего заведения, скромно заявил: „Я считаю ее моим простым долгом“. Утверждают, что благодаря его деятельной поддержке не менее семи молодых служащих покинули его

магазин, чтобы поступить в духовное учебное зеведение для подготовки к пасторскому служению.

К имени Гичкока следует присоединить еще имена двух других друзей Союза от самого его основания, которых можно считать, так сказать, колоннами унионистского здания: Р. С. Л. Беван, крупного банкира, и Самуэля Морлей, считавшегося в то время одним из крупнейших магнатов торгового мира Сити.

Полный энтузиазма по поводу такой сильной поддержки и такого сочувствия, которое встречает его дело повсюду, Джордж Вильямс подумывает в это время создать Христианский Союз Молодых Девушек, но оставляет эту мысль, считая, быть может, главным препятствием этому проекту, что он сам еще остается холостяком. Христианский союз молодых девушек возник много лет после зарождения мысли о нем. Впрочем, и это дело оказалось очень счастливым и плодотворным по своим последствиям.

Помещение в Sergeant's Inn оставило у всех, кто его посещал, наилучшие воспоминания. Какие прекрасные и основательные библейские занятия велись там под руководством Тарлтона! Были молодые люди, которые приходили на них из отда-

ленных частей Лондона, за 10 верст. Точно также в этом же 1845—46 году происходили первые публичные лекции, правда, сначала в помещениях довольно невзрачных, пока, наконец, в 1848 году перенесли их в обширное здание Exeter Hall. Текст этих лекций был опубликован в брошюрах, которые были распроданы в 36 000 экземплярах и которые не мало популяризировали имя Христианского Союза Молодых Людей.

Не довольствуясь развитием дорогого ему дела в столице, Джордж Вильямс посвящает в этом году часть своих каникул на странствование по провинции, в сопровождении своего сотрудника Тарлтона; повсюду на своем пути они содействуют организации союзов, так, напр., в городе Бате эти два путешественника за один раз привлекают на свою сторону тридцать членов учредителей. В это время, как и позже, Джордж Вильямс истинную радость переживает, только отдавая Богу все свое свободное время. В его семействе, обыкновенно, шутя, говорили, что он выбирает место для летнего отдыха, сообразуясь не с удобствами своими или своего семейства, а скорее с географическим положением союзов, которые следовало поддерживать. Не было ли это последствием ре-

шения, записанного им в одну из его записных книжек, под 19 августом 1847 г.: „Я торжественно заявляю, что, начиная с нынешнего вечера я буду отдавать всего себя, без всяких ограничений, делу этого союза и жить для его процветания . . . О, Боже, пошли мне с сегодняшнего дня, двойной дар Твоего Духа, чтобы работать вместе с тобой для Твоего дела и чтобы многие души были обращены и спасены.“

Однако, следует еще раз подчеркнуть, что столь решительная миссионерская деятельность среди молодых людей, несколько не вредила коммерческой карьере Джорджа Вильямса. Все более и более хозяин его смотрел на него, как на своего лучшего приказчика и своего будущего преемника. Джордж Вильямс, впрочем, обнаруживает недюжинные способности руководить большим предприятием, — на ежегодные собрания Союза он привлекает, для почетного председательствования, все наиболее громкие имена общественной, интеллектуальной и религиозной Англии. Так мы видим среди них лорд-мэра Лондона, графа Гарроуби и особенно лорда Шэфтсбери, большого христианского филантропа, близкого друга Джорджа Вильямса и председателя торжественных собраний Союза,

в течение длинного ряда лет, почти до самой своей смерти.

В 1849 году — новая перемена помещения. Союз организует на улице Gresham Street зал для чтения и аудиторию, первые ростки „социальной“ организации, которая так процветет впоследствии; нет нужды скрывать, что такое расширение первоначальной основы натолкнулось на тысячу всяких препятствий, но и здесь Джордж Вильямс, человек широкого сердца и мирного духа, умел предотвратить столкновение двух различных настроений: некоторые лица, с узким кругозором, осуждали всякое участие в модных спортах и даже простое слушание оратории „Мессия“ Генделя. Наталкиваясь на такие соображения, Джордж Вильямс всегда ставил себе вопрос: „Как привлечь молодых людей?“ И раз такой вопрос поставлен, ответ на него делается легким. Именно потому, что он понимал молодежь, он выдумал Рождественский обед для двухсот одиноких приказчиков, а также вечера с чаем, в то время гораздо более редкие, чем теперь. Он был в этом отношении предшественником так называемых американских методов, за четверть века до того, как они сделались известны по эту сторону океана.

1851 год — год первой всемирной вы-

ставки — был отмечен особенно усиленной пропагандой. Утверждают, что 362 тысячи брошюр были розданы в толпе по случаю этого события и было созвано 550 собраний членов Союза, число которых в одном городе Лондоне превышало тысячу; полагают, что не менее 100 000 молодых людей вступили, благодаря этому, в соприкосновение с Евангелием. В этом же году Джордж Вильямс содействует образованию первого союза во Франции. Приехавши в Париж по торговым делам, Джордж Вильямс присутствует в воскресной школе, заинтересовывается вопросом, есть ли в Париже Христианский Союз Молодых Людей, вступает по этому поводу в сношения с пасторами А. Моно и Э. Прессансе и в конце концов присутствует на первом собрании этого союза, основанного двумя студентами-медиками, швейцарцами. Один голландский комивояжер присутствовавший на этом собрании, покинул его в таком энтузиазме, что по своем возвращении домой положил основание аналогичному движению в Нидерландах. Не будет преувеличением соединить имя Джорджа Вильямса с основанием нескольких главных европейских союзов.

Три года спустя или десять лет после основания Союза, Лондонский Союз раз-

вился до такой степени, что в Adlersgate Street им был куплен целый дом. Там, в течение 27 лет была его штаб-квартира и там долго сохранилось обыкновение устраивать ежедневно в полдень молитвенные собрания, на которые сходились — явление замечательное — дельцы торгового мира, финансисты и биржевые маклеры. Джордж Вильямс поставил себе за правило не пропускать ни одной недели без того, чтобы хоть раз присутствовать там лично; он председательствовал на собраниях по четвергам, во время которых он молился об обращении ко Христу детей христианских родителей.

В августе следующего года (1855) Джордж Вильямс ездил в Париж, как один из 15 английских делегатов на Всемирной Конференции Христианских Союзов Молодых Людей, на которой впервые представители этого движения, развившегося уже в разных странах, встретились в изумительном порыве братства: нужно отметить, что вопрос об историческом происхождении не занимал важного места в работах этой Конференции. Как мы уже указывали, швейцарские и немецкие союзы могли доказать, что они возникли не позже, если не раньше, чем в Англии; это было не важно; постоянно скромный основатель

Лондонского Союза не был даже упомянут в английском докладе, но тем не менее, когда вотировался Парижский статут, оставшийся как бы конституционной хартией для союзов всего мира, делегаты приняли в основание его послание „Высокой Комнаты“ на St. Paul Churchyard и сделали из него лозунг для покорения всего мира.

Эта всемирная Конференция 1855 года привела к образованию между Союзам разных стран „Братской Корреспонденции“, порученной главным образом Женевскому Союзу. Она рассеяла также опасения многих, что Всемирный Союз может ограничить местную или национальную автономию; точно также и Парижский Статут рассматривался не как непреложный символ веры, но как основа общей работы по спасению юных людей.

VIII. СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ И ОБЩЕСТВЕННОЕ ВЛИЯНИЕ.

В 1857 году — дата, когда у Джорджа Вильямса при виде трудностей жизни юных мальчиков, возникла пророческая мысль создать „юные секции“ — счастливое событие изменило ход его жизни. Г. Гичкок, его хозяин, научившийся ценить и любить

своего замечательного приказчика, как родного сына, сделал его своим компаньоном, а некоторое время спустя имел радость видеть его своим зятем. Бывая часто у хозяина для бесед по делам магазина или союзов, Джордж Вильямс постоянно встречался там с мисс Элен Гичкок и вскоре в глубине этих двух, одинаково чистых и благочестивых сердец, возникло чувство нежной привязанности. Хотя раньше Джордж Вильямс решил никогда не жениться, чтобы лучше посвятить себя своему делу, он принужден был нарушить свое решение. Правда, эта подруга жизни никогда не отвлекала Джорджа Вильямса от избранного им дела, наоборот, в течение 48 лет совместной жизни она постоянно поддерживала его и помогала ему. Их супружеская жизнь была достойна удивления: в то время, когда впоследствии его обязанности по Союзу настолько брали у Джорджа Вильямса все время, что не оставляли ему в течение многих месяцев подряд ни одного свободного вечера, его жена принимала с покорностью это разлучение; однажды вечером даже, когда он усталый, как рабочая лошадь (отмечает он в своих записках) вернулся домой в счастливом настроении, что сможет отдохнуть, то именно сама жена принесла ему его записную

книжку и сказала: „Но, мой друг, сегодня вечером ты не свободен!“ Джордж Вильямс тотчас отправился на собрание, радуясь найти в жене такую поддержку.

Хотя он редко позволял себе отдых, однако он всегда праздновал годовщину своего брака и посвящал ее нежным прогулкам вдвоем. Его супруга родила ему пять сыновей (трое из них работали по торговле, один сделался пастором и последний адвокатом) и одну дочь Нелли, их любимицу, которую Бог взял у них в возрасте 19 лет.

Несмотря на свой всепоглощающий труд, отец неизменно посвящал своим детям субботние вечера и утро воскресенья. Его семейную жизнь можно резюмировать словами: „Кто ближе всего с ним соприкоснулся, тот и любил его больше всего“.

Моральное и материальное положение Джоржа Вильямса расширялось и утверждалось все более и более. На него стали смотреть, как на хозяина и на авторитет. Так, когда знаменитый атеист Брэдло начал свою материалистическую пропаганду и выставил свою кандидатуру в парламент, многие члены Союзов настаивали, чтобы Джордж Вильямс выступил со своей кандидатурой против него. Но по здравому размышлению он отказался от этого, и

это было без сомнения мудрое решение, так как вероятное поражение христианского кандидата было бы страшным орудием в руках знаменитого *libre penseur'a*. Он предпочел отдаться движению против алкоголизма и в пользу воскресного отдыха и присоединился к протесту всей евангелической Англии против англиканского ритуализма, все более склонявшегося к римскому католицизму.

Смерть его тестя, в 1863 году, переложила всю тяжесть ведения дел в торговом предприятии на плечи Джорджа Вильямса. Однако, он не перестал и после этого активно интересоваться делом Союзов, в частности в качестве главного казначея. Доходы его возрастали; он хочет, чтобы и его жертвования возрастали в той же пропорции.

В 1864 году Джордж Вильямс председательствует в Эдинбурге на первой национальной британской конференции. Это было время значительного кризиса в жизни Союзов. Некоторые способы пропаганды, в роде больших собраний в Exeter-Hall, уже изжили себя. С другой стороны многие духовные лица, из нетерпимых, выступили против принципа евангельского союза, принятого на Всемирной Конференции 1855 года; так, напр., один баптистский пастор,

желая организовать Христианский Союз молодых людей, не привлек к нему членов других церковных конгрегаций, что имело результатом, что уже через шесть недель его союз перестал существовать. Наконец, некоторая узость обнаружена была и слишком узкими унионистами, как, напр., в Дувре, вызвавшими в то время полемику, обратившую на себя внимание всей религиозной Англии. Они из'яли из читальной залы очень популярный юмористический журнал Punch за то, что он позволил себе насмеяться над диссидентами. Пастор Хью Прайс Хьюз, сделавшийся впоследствии горячим другом Союзов, резко упрекал их в то время в узости и близорукости. В этих вопросах мир был обретен только благодаря умиротворяющему влиянию Джорджа Вильямса, начавшего долгую и плодотворную серию своих председательствований на национальных собраниях.

Впрочем эпоха кризиса вскоре благополучно прошла. Тридцать лет неустанного прогресса привели союзы от Эдинбурга в 1864 году до триумфального юбилея в Лондоне в 1894 году. Движение безостановочно распространяется по всей Великобритании. Лица, в роде священника Спэрджена и уже упомянутого графа Шэфтсбэри, оказывали ему все более решитель-

ную поддержку. Для пропаганды движения по всей стране назначен был особый странствующий агент. Организовывают в центре Лондона собрания на французском и немецком языках. Прилагаются старания к евангелизации народных масс в окрестностях вокзалов, в парках и т. п. Словом, Союз выходит на путь миссионерской проповеди.

В том же направлении работает и с другой стороны значительное общественное движение: именно евангельская пропаганда 1873 года, предпринятая двумя американскими евангелистами, Муди и Санки. Джордж Вильямс был одним из главных организаторов этой пропаганды, с одной стороны потому, что он признавал ее необходимость, с другой в знак признательности за все то хорошее, что сделал Муди Христианским Союзом Молодых Людей в Америке, заявлявший, что он более чем кому-либо обязан Союзам в своем приготовлении к евангельскому служению. И обратно, молодые люди получили чрезвычайно много от того грандиозного пробуждения, орудием которого был Муди.

В личной жизни Джорджа Вильямса можно было бы отметить дату 1870—1871, год франко-прусской войны, как время, когда было создано богатство Джорджа

Вильямс 50 лет.

Вильямса. Война приостановила торговые дела в Континентальной Европе; выгоду из этого кризиса извлекла Англия и в частности торговый дом Гичкока-Вильямса. Увеличение личного богатства еще более усилило щедрость Д. Вильямса на дело Христианских Союзов.

IX. ВОЗРАСТАЮЩАЯ ЩЕДРОСТЬ.

Интересно отметить, что Дж. Вильямс уже в торговых делах умел быть широким и тратить кстати; чувствуя нерв сегодняшнего дня и угадывая вкусы следующего дня, он, напр., понял значение всемирных выставок и на каждой из них он тратил не менее тысячи фунтов для рекламы своего дела. Тот же принцип он применял и к Союзам и с совершенно изумительными результатами. Уже как простой приказчик он отдавал на христианское дело „десятину“ от своего содержания. Сделавшись богатым, он тратил от четверти до половины заработка, лишая себя удобств, естественных при его состоянии; так, он отказался от собственного экипажа, чтобы поддержать большее количество Союзов, находящихся в денежных затруднениях. Любя немедленные решения, он часто прибегал к непосредственным сборам на случайных собра-

ниях; однажды, в одном городе, где местный союз находился в процессе умирания, он тотчас же подписался для поддержки его на 250 фунтов и до конца заседания требуемая сумма в 1500 фунтов была собрана.

„Когда какойнибудь Союз страдал от дефицита“, рассказывает один из его лучших сотрудников по части финансовых сборов, — „он обыкновенно говорил мне: Ну, мистер Хайнд Смит, мы разделим пирог пополам, на мою долю падает половина, если вы мне раздобудете вторую половину“. Таким путем часто до окончания заседания, созываемого по этому поводу, дефицит нуждающегося Союза бывал покрыт. Несколько лет спустя он лично один уплатил тяжелый долг, лежавший на Лондонском Союзе. Мы видим из этого, как неправ был один молодой человек, однажды заявивший Д. Вильямсу „Вся ваша религия заключается в том, чтобы подарить мне религиозную брошюрку, ценою в пятак“.

Но его посещения Союзов не заключались, однако, в одном раздавании чеков. Кроме своего золота он оставлял им и свое сердце. Зная моральные и материальные затруднения молодых людей, он был инициатором движения в пользу устройства летних колоний для взрослых. В 1873 году он открыл вместе с несколькими друзьями

дом для летней колонии в Гэзелвуде на острове Уайте, потом, после успеха этого начинания, такой же дом на берегу моря в Маргэте, где сотни молодых людей обрели покой и здоровье. В память графа Шэфтсбэри, славного филантропа и его благородного друга, он дал этому дому название „дома Шэфтсбэри“.

В 1876 году Дж. Вильямс посетил, в сопровождении своего верного друга Ходдера, Америку в качестве представителя британских союзов на конференции в Торонто. В Нью-Йорке он мог видеть одно из первых собственных зданий Союза, построенное в 1869 г., считавшееся в то время образцовым в своем роде. Очарованный прогрессом дела, инициатором которого он был, он при возвращении на родину имел только одну мысль: — сделать и у себя дома нечто столь же крупное, что, впрочем, не помешало ему думать и о мелкой каждодневной работе. Рассказывают, что на пароходе, на котором он возвращался в Англию, он поставил себе долгом говорить о спасении души со всеми пассажирами, начиная с капитана и кончая последним эмигрантом.

Благодаря обычной энергии Дж. Вильямса в 1881 году осуществилось, наконец,

его заветное желание иметь в столице Великобритании собственное здание, расположенное в центральном месте и удобное, которое могло бы быть штаб-квартирой Христианских Союзов Молодых Людей. Все лондонцы того времени прекрасно знали здание (ныне не существующее) Эксетэр-Хол. С этим зданием связана вся религиозная и филантропическая история Англии в XIX столетии. Именно там в 1840 г. принц Альберт поднял голос против рабства черных; там поднял знамя борьбы против алкоголизма знаменитый поборник воздержания Гоф (Gough); там давал свои незабвенные концерты Дженни Линд. После полувека такой службы, финансовый кризис заставил продать Эксетэр-Хол и, может быть, он превратился бы в музик-хол, если бы какое нибудь религиозное общество не взяло на себя его содержание.

К счастью был налицо Джорж Вильямс. Делец, любящий широкие планы, он предложил Союзам приобрести это здание. Сначала это вызвало сильную оппозицию: боялись взвалить себе на плечи значительный долг. Но чем более усиливалась оппозиция, тем более настойчивым делался Д. Вильямс. Однажды вечером, держа руку на затылке, что делал он обыкновенно в момент смущения, он сказал Хайнд-Смиту,

преемнику Эдвина Шиптона по управлению лондонскими Союдами:

— „Мой милый друг, я не умру спокойно, если Эксетэр-Хол не будет штаб-квартирой Союзов“.

Видя его столь решительно настроенным, Хайнд-Смит, зная хорошо его характер, ответил лаконически:

— „В таком случае мы его приобретем“.

Решили тотчас же найти пять лиц, могущих каждый дать по пяти тысяч фунтов стерлингов. Джордж Вильямс подписался первый и через два дня, нигде не встретивши отказа, они собрали необходимые 25,000 фунтов. Таковую же сумму нужно было найти для внутреннего оборудования, что тоже было сделано без особого труда. Освещение здания, под председательством лорда Кэрнза, было памятным днем. При прибытии лорда Шэфтсбэри вся зала наполнилась аплодисментами, при прибытии Вильямса был настоящий восторг: он был встречен, как истый триумфатор.

В этом помещении, заново и очень практично оборудованном, собралась в следующем 1882 году девятая всемирная Конференция Христианских Союзов Молодых Людей под председательством Джорджа Вильямса. 328 делегатов представляли на ней 16 стран. С этого дня ведет свое на-

чало (покупка Эксетэр-Хола дала живой импульс всему делу) Национальный Английский Комитет, председателем которого был Джордж Вильямс с 1886 по 1905 г., т. е. со смерти графа Шэфтсбэри до собственной кончины.

В 1887 году Джордж Вильямс имел новую радость — открыть в Бриджуотере, городе, где маленьким деревенским мальчиком начал он свою жизненную карьеру, здание, носящее его имя: дом Христианского Союза Молодых Людей. Щедрому жертвователю была приготовлена триумфальная встреча. Крестьяне окрестных деревень явились массами; город был украшен флагами, цветами и гирляндами, бургомистр ждал лично на вокзале. „Это был лучезарный день славы“, отмечает сам Д. Вильямс.

Жизнь Дж. Вильямса протекала в трудах, семейном счастье и домашнем довольстве. Обширные средства Вильямса позволяли ему с большим удобством поселиться на Russell Square. Примечательно, как скоро этот крестьянский сын умел приспособиться к светским манерам: он всегда был чрезвычайно тщательно одет и отличался особой приветливостью и вежливостью в обращении. Следует отметить, что он не выносил курения табаку. В общем простота

его образа жизни была образцова. Его бюро в торговом доме Гичкок-Вильямс было всегда открыто для лиц, ищущих утешения и поддержки.

Х. ЮБИЛЕЙ 1894 ГОДА. ДЖОРДЖ ВИЛЬЯМС ПОЛУЧАЕТ ДВОРЯНСКИЙ ТИТУЛ.

Так мало-по-малу жизнь Вильямса приближалась к 1894 г., дате, когда должен был быть отпразднован пятидесятилетний юбилей Христианского Союза Молодых Людей. Задолго уже все родственные союзы готовились к торжеству, которое действительно вышло одним из самых импозантных в религиозной истории Англии. Незадолго до установленного дня, однажды, когда Д. Вильямс работал с генеральным секретарем Патерилем, посыльный от премьер-министра графа Розбери явился к нему с пакетом. Вскрывши его, Вильямс побледнел и прерывающимся голосом сказал своему собеседнику, протягивая ему письмо: „Нет, такая честь не для меня, а для Союза и нашего Господа. Помолимся ему...“ и оба они опустили на колени.

Что случилось?

Совершенно простая вещь: в признание заслуг, оказанных Вильямсом стране, ко-

ролева Виктория пожаловала ему дворянский титул и возвела его в разряд кавалеров (knight), — титул, правда, не наследственный, но достаточный для того, чтобы быть представленным королеве. Эта новость вызвала чрезвычайный энтузиазм среди делегатов, съехавшихся с четырех концов земли в числе более 2.000. Этот юбилей должен остаться памятным не только по своей чудесной организации, но особенно по духу, религиозной экзальтации, проникавшей каждого из присутствующих. Сэр Джордж Вильямс, несмотря на свои 73 года, был неутомим. В день открытия, 1.400 пасторов произнесли проповеди о деле Христианских Союзов. Торжественное богослужение было отслужено в соборе Св. Павла и в Вестминстерском аббатстве. Так как нужно было накормить громадную толпу, то на набережной реки Темзы разбили огромную палатку, способную вместить всех делегатов.

После общего обзора дела, совершенного за пол-века, единственный в своем роде прием был организован в Гильдхоле, ратуше Лондонского Сити; на этот прием было приглашено 3.500 человек. Там Д. Вильямсу „отцу христианских союзов“ вручен был в шкатулке из резного дуба диплом на звание почетного гражданина Сити, титул чрезвычайно почетный, которого

Вильямс, 80 летним стариком, беседует с детьми на берегу моря.

удостаивались немногие, в том числе Пибоди, основатель домов для рабочих, лорд Шэфтсбери, знаменитый филантроп, и Ливингстон, великий миссионер.

В последний вечер — 6 июня, в день годовщины основания Лондонского Союза, 12.000 (из 30 тысяч, добивавшихся входа) собрались в огромном Альберт-Холе для того, чтобы поднести счастливому юбиляру неожиданный подарок — его собственный бюст, который Дж. Вильямс принял со своей обычной скромностью. Наконец, конференция закончилась экскурсией в Виндзорский замок, королевскую резиденцию, который был открыт для делегатов по приказу самой королевы Виктории.

ХІ. ВЕЧЕР ПРЕКРАСНОЙ ЖИЗНИ.

После этих триумфальных дней, можно сказать, Дж. Вильямс жил, окруженный всеобщим почетом и славой. Передавши ведение торговых дел своим трем сыновьям, он находит более досуга и весь его посвящает открытию бесчисленных унионистских зданий, возникающих повсюду на британской территории.

Потом он стал больше путешествовать. Так, он присутствовал на всемирной конференции в Базеле в 1898 г., где он был

(вместе с Эдуардом Бардом и Максом Перро из Женевы, ван Остервик-Брунк из Амстердама и Гладстоном из Лондона) одним из пяти оставшихся в живых участников Парижской Конференции 1855, положившей начало Всемирному Союзу.

На Всемирной Выставке в Париже в 1900 году была присуждена золотая медаль Национальному Английскому Комитету и grand-prix Французскому Национальному Комитету в признание громадного дела, совершенного ими. Необычайно показательны были внешние успехи за 56 лет. Из этого союза, насчитывавшего в 1844 г. 12 членов, выросло 7.722 союзов с 508.000 членов в 1900 г., во всемирном масштабе, среди всяких классов, в различных видах и почти среди всех народов мира.

В следующем году Американские Союзы в свою очередь праздновали торжественный юбилей (за старостью лет Джордж Вильямс не мог принять на нем участие, — его представлял сын его Ховард Вильямс). Приветствия были присланы президентом Мак-Кинлеем, королем Эдуардом VII, германским императором и итальянским королем, — столь всемирного признания достигло это дело, так скромное вначале, но затем завоевавшее мир!

Другой, более интимный юбилей — его

золотая свадьба — был отпразднован Вильямсом, когда он, достигнувши 83 лет, походил на патриарха, но одушевлен был все еще, как молодой человек. „До самого моего конца“, восклицал он: — „я буду бороться против врага, который неистовствует на земле“.

Нужно отметить еще „бриллиантовый юбилей“ британских союзов и в особенности последнее прощанье Вильямса с христианскими союзами на всемирной конференции в Париже в 1905 году по поводу пятидесятилетия всемирного союза, основанного в 1855 году. Сэр Джордж Вильямс хотел на ней присутствовать, и когда его семейство и его друзья пытались разубедить его, боясь, что тяготы путешествия превышают его силы, он отвечал просто: „Если Богу угодно, я буду там“. Он не присутствовал на заседаниях конференции, но он приехал из Канн, с юга Франции, где он жил в то время, специально для того, чтобы дать прием всем делегатам в отеле Континенталь. Сцена была очень трогательная. Очень медленно, опираясь с одной стороны на руку своего старого друга Ходдера, а с другой на руку своего сына Ховарда, Вильямс прошел между двумя рядами, образованными тысячью делегатов от 25 наций, до небольшой эстрады в глубине залы.

Глубокое волнение охватило все собрание. Все руки протянулись к нему, раздались продолжительные, непрерывные восклицания, потом внезапно наступило глубокое молчание.

Сэр Джордж Вильямс приготовил речь, но она в этот момент совершенно изгладилась из памяти. Когда, стоя на эстраде, он увидел перед собой представителей сотен тысяч человеческих существ, для которых он был отцом во Христе, кровь прихлынула к его щекам, он выпрямил свою благородную голову и еще раз его голос прозвучал, ясно и вибрируя:

„Молодые люди Франции“, сказал он с незабываемым выражением и столь отчетливо, что не пропадал ни один слог: „я имею сказать вам одно: Если вы хотите, чтобы ваша жизнь была счастлива и полезна, отдайте ваши сердца Богу, пока вы еще молоды. Я оставляю вам в наследство Христианский Союз Молодых Людей. Это наследство огромной ценности. Я даю вам его, дорогие молодые люди всех стран, для того, чтобы вы продолжали и развивали его. Я надеюсь, что вы будете так же счастливы в выполнении этой задачи, как я сам был счастлив, и что вы успеете лучше, чем я. Да будет благословение Бо-

жие для ваших душ и для множества других душ“.

Потом огонь погас на его лице также внезапно, как и загорелся. Его друзья должны были почти отнести его в его комнату, где он пролежал некоторое время без сознания.

Джордж Вильямс мог в мире отойти в иной мир, после того, как он увидел торжество всего того, для чего он работал и что он основал для славы Божией.

Последние зимы сэр Джордж Вильямс проводил в Каннах, под теплым солнцем Ривьеры, но после своего последнего прощания в Париже он вернулся в Англию и более не предпринимал путешествий. До самого конца его дней у него осталась великая страсть; — говорить речи детям (он делает это еще в возрасте 83 лет на берегу моря) и после обеда в воскресенье раздавать религиозные брошюры по соседству со своим домом на Russell Square и проповедывать Евангелие своим постоянным друзьям извозчикам или даже какому-нибудь уличному бродяге. Он так любил гулять один, что должны были предупредить полисмэна на Ludgate Circus, чтобы он следил за ним, когда он переходил через эту оживленную площадь. Проходя последний раз по своим магазинам, он оста-

новил одного старого клиента из провинции, пожал ему руку и прошептал: „Будем верны до конца“.

Это был его последний завет и как человека деловой жизни и как христианина. Несколько дней спустя, в ноябре 1905 года он умер в Торки, окруженный своими пятью сыновьями: „Милые молодые люди“ — были его последние слова.

ХII. ЗАВЕРШЕНИЕ.

Когда распространилось известие об его кончине, тотчас же была организована грандиозная петиция, подписанная лордом канцлером, министром юстиции, тридцатью бургомистрами больших городов, членами Палаты Лордов и Палаты Общин, не считая духовных лиц, и адресованная к декану и капитулу собора Св. Павла, о том, чтобы Джордж Вильямс был похоронен в этом самом соборе, в тени которого он прожил такую долгую и плодотворную жизнь... И тотчас же очистилось для него место между могилой Нельсона, великого адмирала, победившего Наполеона при Трафальгаре, и Веллингтона, генерала, разгромившего его при Ватерлоо.

Вождь мирной армии в 700 тысяч мо-

лодых людей удостоился национальных похорон 14 ноября 1905 года.

Бросая общий ретроспективный взгляд на его жизнь, быть может, найдется кто-нибудь, кто, судя несправедливо, скажет, что этому старцу, достигшему вершины жизненной лестницы, было легко раздавать добрые советы, и спросит, была ли его молодость достойным предисловием к такому прекрасному концу. Пусть тот вспомнит факты его жизни, просмотрит записные книжки, где Вильямс молодым человеком отмечал распределение своего рабочего времени, подумает об его посещениях трущоб, его работу в воскресных школах, его счастливое влияние на его товарищей по работе, использование им своего свободного времени... Такое использование наиболее прекрасного периода жизни является верной гарантией искренности характера человека.